

“Дневнику современника” — 25 лет!

Первая статья “Дневника современника” появилась в журнале в январе 1991 года. И вот уже четверть века авторская рубрика Александра Казинцева на страницах “Нашего современника”! За эти годы Александр Иванович напечатал в “Дневнике” 138 своих статей и интервью с ведущими политиками России и ближнего зарубежья – президентами Беларуси А. Лукашенко, Молдовы В. Ворониным, Приднестровья И. Смирновым, председателем Совета Федерации Е. Строевым, лидерами партий и руководителями регионов. “Дневник современника” оправдывает своё название – откликается на самые злободневные вопросы. Собранные вместе, его материалы составляют живую хронику трагических лет нашей новейшей истории.

Старейший журналист “Правды” Виктор Кожемяко, обращаясь к А. Казинцеву, писал : “ ...Ваш уникальный “Дневник современника”, длящийся уже более двух десятилетий самого трудного и опасного для России пребывания над бездной, достойно продолжает традицию великого предшественника с его знаменитым “Дневником писателя”.

Статьи “Дневника” вошли в пять книг А. Казинцева – “Россия над бездной. Дневник современника 1991–1996”, “В поисках России”, “Симулякр, или Стекольное царство”, “Возвращение масс”, “Имитаторы. Иллюзия “Великой России””. Они отмечены Большой литературной премией, премией им. Николая Гумилёва, премией “Прохоровское поле” и рядом других.

Коллектив редакции поздравляет Александра Ивановича Казинцева с впечатляющими творческими достижениями и желает здоровья и вдохновения!

ОКНО ВОЗМОЖНОСТЕЙ ОТКРЫТО

– **Какие тенденции в современной литературе Вы наблюдаете?**

– Самое очевидное – победа реализма. Модерн и постмодерн, которые на протяжении 90-х были в фаворе у читателей и критиков, сегодня на обочине. Я подробно говорил об этом нынешней весной на X Международном книжном салоне в Петербурге. Запись выступления и его пересказ выложены в интернете. Поэтому ограничусь упоминанием только что изданных произведений, вызвавших читательский резонанс. Назову авторов разных направлений. “Не чужая смута” Захара Прилепина, “Зона затопления” Романа Сенчина, “Как же её звали?” Александра Снегирёва – чистой воды реализм. Этот ряд можно продолжить вышедшими ранее книгами Александра Мелихова, Александра Сегеня, Евгения Шишкина, Сергея Шаргунова.

Молодые писатели из так называемого “поколения двадцатилетних” идут следом за признанными, а в чём-то и дальше. “Дневник русского украинца” Платона Беседина, рассказы и очерки Елены Тулушевой – это своего рода “стенография действительности”. Проза, близкая к тому разряду литературы, которую именуют нон-фикшн.

Обратиться к реализму заставляет столкновение с жестокостями жизни. Скажут – то же было и в 90-е! Соглашусь. Но тогда общество предпочло спрятаться в прихотливых мифологемах постмодерна (Прилепин, Сорокин). Однако долго жить в иллюзорных мирах невозможно. Пришло время взглянуть в глаза реальности.

Вероятно, следующим этапом станет осмысление произошедшего за последнюю четверть века. Наступит эпоха романа и повести, тогда как сейчас время рассказа, дневника, очерка. Тогда мы увидим большее разнообразие художественных методов – и реализм, и романтизм, и модернизм. Приметы этого периода уже сегодня заметны в романтических повестях Андрея Тимофеева и реалистических жизнеописаниях Андрея Антипина.

– **В чём задача современной литературы и литературы вообще?**

– Друг Пушкина поэт Евгений Баратынский определил: “Дарование есть поручение”. Поручение сказать о важном, без чего, выражаясь высоким слогом, жизнь будет беднее. Убеждён – это напоминание о том, что человек не сводится к материальному: к успеху, к тому, сколько денег он зарабатывает, автомобиль какой марки у него в гараже и сколько платьев у его жены. Не забудем: человек создан по подобию Бога. Высветить частицу божественного в человеке – это и есть высшее назначение литературы.

– **Какова роль критика в литературе и обществе?**

– Думаете, достаточно написать талантливую книгу и о ней сразу заговорят? Чудеса случаются! Но сколько раз таким книгам приходилось ждать читателя годами, а то и десятилетиями. Вспомним “Сумерки” Евгения Баратынского, книги Фёдора Тютчева и Афанасия Фета. Причина в недостаточном внимании или непонимании со стороны критики. Читатель склонен верить авторитетам. Кто-то должен указать на произведение: “Смотрите, это – шедевр!”

Но чтобы слово критика приобрело такую силу, ему надо стать законодателем общественного мнения. Александр Герцен вспоминал, как в 40-е годы XIX века публика ожидала критических статей Виссариона Белинского. Студенты осаждали кофейни: те – по европейскому образцу – выписывали жур-

налы. Кстати, в Европе и сегодня можно выпить чашку горячего шоколада за столик, листая свежий номер журнала. Возродить бы подобную традицию у нас! Пусть молодёжь, сидя в кафе, не слушает музыкальную “долбёжку”, а читает, спорит о литературе, о жизни, о будущем страны. Сейчас носятся с идеей превратить библиотеки в досуговые центры. А почему бы места досуга не возвысить до библиотек?

Но вернёмся к Герцену. “Былое и думы”: “... Статьи Белинского судорожно ожидалось в Москве и Петербурге с 25 числа каждого месяца. Пять раз хаживали студенты в кофейные спрашивать, получены ли “Отечественные записки”, тяжёлый номер рвали из рук в руки. “Есть Белинского статья?” – “Есть”. – И она поглощалась с лихорадочным сочувствием, со смехом, со спорами”.

Сегодня литературной критики нет. Та, что была в позднесоветское время, в основном обслуживала литературное начальство. По принципу: ты – мне, я – тебе. Теперь такие схемы не работают. И критика исчезла.

Конечно, во все времена были достойные представители профессии. В советскую эпоху В. Кожин, Ю. Селезнёв, М. Лобанов, И. Золотусский. Два-три имени можно назвать и сейчас. Книги и сам жизненный пример таких людей лучше всяких определений раскрывают значение критика в литературе.

– Сегодня мы становимся свидетелями различных кризисов – духовных, мировоззренческих, экономических. Как, на Ваш взгляд, будет развиваться мир и общество?

– Замечательный вопрос! К Вашему списку я бы добавил моральный, политический, цивилизационный кризисы. Включите телевизор – в выпусках новостей толпы мигрантов, марширующих через Европу. Зримое воплощение цивилизационного слома. Классическая политика знала чёткую схему: Запад–Восток (Север–Юг), богатые–бедные. Но теперь Восток двинулся на Запад! К слову, я предупреждал об этом десять лет назад в книге “Симулякр, или Стекольное царство”. Чем закончится пришествие? Обустройством беженцев? И это нелегко: в интернете пишут о немецкой деревне с населением в 100 человек, где планируют разместить 700 переселенцев. Но то лишь первая фаза. Беженцам надо подыскать работу (в Европе, с её высокой безработицей, задача непростая). Обеспечить социальной помощью. Попытаться интегрировать в западное общество. Опыт ассимиляции предыдущих миграционных волн показывает: далеко не все приезжие, особенно из мусульманских стран, хотят принять ценности и порядки Запада. Простой и воинственный ислам наделяет их чувством единства и превосходства. “Вы – разлагаетесь, мы храним чистоту веры”, – рассуждают они и воспринимают западное благополучие как вопиющую несправедливость. Одна из разновидностей ответа на этот вызов – погромы, которые время от времени исламская молодежь устраивает в Лондоне, Париже, Берлине. Другая – возвращение второго поколения переселенцев на Восток – в Ирак, Сирию, где они воюют в рядах радикальных группировок и, случается, режут головы “неверным” – своим бывшим согражданам из Европы и Америки.

Крайняя форма неприятия западной цивилизации – исламский терроризм. “Французы” и “бельгийцы” с именами Ибрагим и Абдеслам объединяются с “сирийскими беженцами”, которых Европа пустила к себе, предоставив кров и пищу, и разносят в куски не только посетителей парижских театров и кафе, но и сам европейский образ жизни.

О кризисе западной морали много пишет российская печать. Но мало кто упоминает об экономическом измерении этого кризиса. Один процент жителей планеты владеет половиной мировых богатств! Разве это совместимо с моралью? А ведь социальное неравенство у нас в стране глубже, чем на Западе. И наши города – вернёмся к цивилизационному кризису – заполняют переселенцы с Востока. Нам не отсидеться в роли наблюдателей со стороны.

Накопившиеся проблемы необходимо решать. Западное общество создало для этого политические механизмы. Но они работают всё хуже! На Востоке пассионарная молодежь идёт под пули полиции, чтобы добиться честных выборов. А на Западе население всё чаще игнорирует выборы. Люди на улицах, опрошенные корреспондентами, говорят о том, что ни один политик – ни справа, ни слева – ничего для них не сделал. Что это как не кризис демократии?

Кризисы были всегда, достаточно вспомнить Великую депрессию. Но их

наложение один на другой – примета нашего времени. Свидетельство начавшегося крушения привычного миропорядка. На Западе об этом пишут философ Ноам Хомски, политики Джульетто Кьеза и Антонио Негри, социолог Иммануил Валлерстайн, экономисты Нуриэль Рубини и Лестер Туроу. “Мы окажемся в самом эпицентре огромной политической битвы, которая определит будущее мира”, – пророчествует И. Валлерстайн. Его ученик, российский учёный, Георгий Дерлугьян добавляет чёрных красок в картину: “Валлерстайн говорит без обиняков: наступившая эпоха – это ад на земле. Прежде чем наступит рай, должен наступить ад. Ад на земле – это переходы от одного режима гегемонии к другому. Переход задан тем, что старый режим износился, он накопил столько противоречий, что уже не работает. А что собой будет представлять новый режим – никто до сих пор не знает”.

С той или иной степенью драматизма оценивают ситуацию отечественные авторы – Михаил Делягин, Александр Неклесса, Сергей и Елена Переслегины. Специально называю имена: погуглите, почитайте.

Каким окажется будущее? Пессимисты предупреждают о наступлении “Нового Средневековья”. Жуткие порядки, установленные ИГИЛ, запрещённой у нас организации, показывают – слова о “Средневековье” недалеко от действительности. В городах, захваченных игиловцами, школьниц, получивших современное образование, воспитанных на ценностях XXI столетия, продают на невольничьих рынках, как в каком-нибудь XIII веке.

Этим летом я побывал в Сирии. Проехал страну – от Дамаска до Тартуса на средиземноморском побережье. В Тартусе меня отвезли в коттеджный посёлок на берегу моря. Наступал вечер, всходила луна. Мы сидели за мраморным столиком, а за соседним собрались местные девчухи. Они тихо пели. Я подумал: фронт в 80 километрах. Если боевики прорвутся сюда, они припилят на платья вот этих девчушек ценники и выставят их как товар на местном базаре.

Мы в шаге от “Средневековья”. Вовсе не обязательно в экзотическом восточном варианте. Сколько у нас жертв валютной ипотеки? Под сотню тысяч. Эти люди – наши сограждане – из-за скачка валютного курса обречены всю жизнь вкалывать на заёмодавцев и всё равно рискуют остаться без жилья.

Но будущее не предопределено. Оно лишь отчасти результат обстоятельств. Во многом оно зависит от нашей воли. Если у нас есть воля! От готовности бороться. Окно возможностей остаётся открытым. Свои надежды я связываю с молодёжью. С протестными движениями в Европе – греческой “Сиризой”, итальянским движением “5 звёзд”, испанскими “падемос”. Только что они завоевали много мест на муниципальных выборах, приведя во власть своих кандидатов в крупнейших городах страны – Мадриде, Барселоне. Я внимательно слежу за деятельностью левых правительств в Латинской Америке. С удовольствием встречаюсь с их посланцами на международных конференциях. Всё это, как правило, молодые, красивые люди, полные энергии и веры. Убеждён: вера молодых, энергия молодых способны многое изменить в настоящем и будущем.

– Сейчас мы видим гегемонию США. В противовес ей формируется система стран БРИКС. Геополитическая ситуация меняется, акценты смещаются. Например, Леонид Ивашов говорит, что, если всё-таки это начинание будет реализовано, то мир может стать более справедливым. На Ваш взгляд, что эта формирующаяся система может привнести в мир?

– Генерал Ивашов – член Общественного совета журнала “Наш современник”, мой давний друг. Но по этому вопросу я бы с ним поспорил. Может ли БРИКС изменить политическую конфигурацию в мире? Сомневаюсь. Вы воспринимаете это объединение как нечто данное изначально, а я помню, когда и при каких обстоятельствах оно возникло. Сначала появилась аббревиатура: в 2001 году аналитик Джил О’Нил обозначил четыре наиболее активно развивающиеся экономики первыми буквами их названий – Бразилия, Россия, Индия, Китай – по-английски – BRIC. Никакого содержания – политического, военного – он в звучное словцо не вкладывал. Однако к концу десятилетия (первый саммит БРИК прошёл в 2009 году) лидеры четверки решили укрепить связи, увеличив тем самым свой вес в мировой политике. С тех пор встречи глав государств стали регулярными, координируются политические и экономические инициативы. Но превратить БРИКС (в 2011 году присоеди-

лась Южная Африка – South Africa) в полноценный политический, а тем более военно-политический блок, вряд ли получится. Недостаточно сильны экономические связи и слишком разнонаправлены интересы.

Мы ведь зачем стремимся к укреплению БРИКС? Для усиления наших позиций в соперничестве с Соединёнными Штатами. Вы сами говорите: формируется в противовес. Но объём двусторонней российско-китайской торговли в 2014-м, самом удачном для нас году, не дотянул до 100 млрд долл., а в 2015-м рухнул на 30%. Тогда как товарооборот между Америкой и Китаем – 555 млрд долл. В пять раз больше. Объём российско-индийской торговли – 9,5 млрд, а американо-индийской – 96 млрд. Больше в десять раз! Американцы предлагают довести его до 500 млрд долл. Вот и посудите – захотят ли китайцы или индийцы ссориться с Соединёнными Штатами ради России. Они же потеряют сотни миллиардов долларов! А это не просто “зелёные фантики”, как уверяют нас некоторые экономисты, а колоссальные средства для развития, для решения социальных проблем, усиления военной мощи.

Да и отношения в самом блоке далеки от идеальных. Прежде всего между Индией и Китаем. Вы слышали о китайско-индийской войне 1962 года? Тогда Китай в течение двух месяцев перемалывал слабо вооружённые индийские дивизии в высокогорном районе на севере Индии. После того как США и Великобритания пришли на помощь Дели, а СССР дистанцировался от Пекина, Китай отступил. Но сохранил за собой часть захваченной территории. В 1967 году конфликт в меньших масштабах повторился. До сих пор обе стороны держат на границе отборные военные части. К тому же и в Индии, и в Китае сильны националистические настроения. Опрос, проведённый международным агентством Pew, показал: 62% китайцев отрицательно относятся к Индии. Для сравнения – к США только 48%.

Вместе с генералом Ивашовым я надеюсь, что сотрудничество в рамках БРИКС будет развиваться. Но противовесом Америке блок скорее всего не станет.

Другое дело, что Соединённые Штаты утрачивают былое могущество сами по себе. Для них оказалась непосильным бременем поддержка проамериканских режимов в Афганистане и Ираке. Сегодня Америка фактически ушла из этих стран. И тут же власти в Кабуле начали диалог с Талибаном, а иракцы координируют свои действия со злейшими врагами Америки – аятоллами из Ирана.

Казалось, что мир без господства (или – скажу осторожнее – при ослаблении господства) Соединённых Штатов станет справедливее и безопаснее. Но, как показывают войны в Ираке и особенно в Сирии, этого не случилось. Место единственной сверхдержавы поспешили занять региональные тяжеловесы, столь же (а в иных случаях и более) жестокие и бесцеремонные. В Сирии сталкиваются интересы – и ставленники – Саудовской Аравии, Турции, Ирана, Иордании, даже крошечного Катара. Последние четверть века Америка играла роль мирового полицейского. Эдакого наглого мордоворота. Теперь полицейский покинул свой пост, и геополитическую сцену заполнили сомнительные персонажи восточной улицы. Не уверен, что этот вариант более гармоничный и безопасный. Для примера – в интернете долго висело сообщение: “Катар готов развязать Третью мировую войну”. Представьте, Катар, чьё население не дотягивает до двух миллионов человек, и только 40% из них – местные! И сколько таких амбициозных карликов в современном мире? Как в подобной ситуации добиться хотя бы относительной устойчивости? Об этих вопросах у нас не задумывались. Теперь, после того как Россия возвратилась на Ближний Восток, самый тщательный учёт всех сил, вовлечённых в конфликт, стал жизненно необходимым.

– Сейчас пагубные тенденции усугубляются по принципу – чем дальше, тем хуже. Это касается прежде всего нравственности. Что может одушевить общество? Может ли православие вновь прийти в массы?

– Великое призвание Церкви – дело спасения. Человека и мира, “лежащего во зле”. Пример показал глава Церкви – Иисус Христос. Часть священников и – что характерно – власть имущие утверждают, что речь только о духовном спасении. Материальные условия жизни людей Церковь будто бы не интересуется. Однако сторонники “теологии освобождения” или “церкви бедняков” – влиятельного течения в латиноамериканском католицизме – утверждают, что христианство призвано преобразить все стороны жизни. Уругвайский

священник Х. Л. Сегундо писал: “Прежняя абсолютизация индивидуального спасения в мире небесном искажает учение Христа. Он заинтересован в полном и всестороннем освобождении всех”.

Если мы обратимся к евангельскому тексту, то увидим – Христос насыщал алчущих, исцелял больных и воскрешал мертвых. Так же поступали апостолы и святые. В акафисте святителю Николаю читаем: “. . . Алчущим бо явился еси кормитель. . . недугующим исцеление, и всем всяк помощник показался еси”. В жизнеописании этого задушевно любимого на Руси святого рассказывается о том, как, узнав о намерении впавшего в нищету отца семейства отдать дочерей в проститутки, Николай ночью принёс три узелка с золотом, “избавляя от падения греховного”.

Отцы церкви не только являлись образцами милосердия. Они горячо обличали “жестокосердого к человеку голодному” – по слову Василия Великого. Святитель вопрошал: “ Не нужно ли причислить его к лютым зверям, признать человекоубийцей?”

Не случайно первые, как сказали бы сейчас, организации социальной защиты возникли при церкви – приюты для брошенных младенцев, нищих, вдов и инвалидов, госпитали. На Ближнем Востоке был даже орден Госпитальеров, члены которого – братья-лекари – должны были заботиться о неимущих, больных и раненых паломниках в Святой земле. Орден действовал семь столетий – с 1080 по 1798 год. И в свою очередь продолжил дело аббата Проба, основавшего госпиталь в Иерусалиме ещё в 600 году. Представьте, какая даль времён! И все эти полтора тысячелетия монахи и монахини и просто добровольцы, имеющие сердце и совесть, растили и обучали сирот, выхаживали больных.

На Руси первые приюты появились в начале XI века. На протяжении столетий православные монастыри являлись очагами просвещения и центрами социальной помощи. Случись недород – они открывали амбары и раздавали зерно голодающим.

Особенно трогает православная традиция “печалования”. Церковные иерархи обязаны были заступаться за гонимых и осуждённых. Иной раз заступничество оплачивалось жизнью (митрополит Московский Филипп при Иване Грозном). Традицию “печалования” уничтожил Петр I, строитель светского государства. Показательно: в 1917 году Собор РПЦ, восстановив патриаршество, особым пунктом записал в обязанности первосвященника “печалование о народе”.

Убеждён: нынешнее возрождение Церкви, выражающееся в умножении приходов и активном строительстве храмов, необходимо подкрепить социальным служением. Пока Церковь берёт – от государства и от народа. Да, возвращая несправедливо отнятое у неё. И всё-таки – берёт. Думаю, пришла пора отдавать, активно поддерживая неимущих, людей, ставших жертвами обстоятельств и несправедливости.

И ещё: как сын Церкви, пусть слабый и несовершенный, я хотел бы предостеречь её от растворения в государстве. К чему это приводит, выяснилось после революции. Государства приходят и уходят, а Церковь остаётся. И порой ей приходится отвечать за грехи земных владык.

Если Русская Православная Церковь удержится от “державного” соблазна, если она станет активнее защищать гонимых и помогать неимущим, то можно надеяться на подлинное возрождение Православия. Возрождение не церковного обряда, не церковного богатства, а того поистине спасительного духа, который, по Вашему верному определению, способен “одушевить общество”.

Беседовала Христина ТРЕТЬЯКОВА.